

Ширяев Е.В.

От деревеньки Мосеево до Москвы

*Воспоминания и размышлизмы
2005 - 2016*

Жизнь и судьба (Горизонт)

Евгений Ширяев

**От деревеньки Мосеево
до Москвы. Воспоминания
и размышлизмы**

«ИП Каланов»

2019

Ширяев Е. В.

От деревеньки Мосеево до Москвы. Воспоминания и размышлизмы / Е. В. Ширяев — «ИП Каланов», 2019 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

В своих воспоминаниях автор описывает свой путь от военного сироты из глухой деревеньки Мосеево до главного конструктора автоматизированных систем управления в Москве. В дополнительных главах автор формулирует свои представления об основных жизненных вопросах, как-то: о боге, об учёбе и работе, о медицине, о мужчинах и женщинах, о политических событиях. В изложении автора сочетаются обстоятельность и в то же время чувство юмора. Представляется, что книга будет интересна взрослым и пожилым людям – возможностью сравнения с их личным жизненным опытом. Представляется также, что книга будет интересна молодым людям возможностью осознать опыт старших поколений с пользой для конструирования собственного жизненного пути.

© Ширяев Е. В., 2019

© ИП Каланов, 2019

Содержание

Моё позднее писательство	6
Глава 1. Кое-что мемуарное	7
1) Родители	7
2) Война глазами ребенка	9
3) Гибель отца	13
4) Моё золотое детство	14
5) Мои реки. ГИИВТ	24
6) ЦНИИЭВТ и АСУ «Диспетчер»	27
7) Как я встречал Германа Титова	31
8) КЕП и служебные отношения	32
9) Не только работа. Отдых на воде	35
10) Моя педагогическая поэма	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Владимирович Ширяев

От деревеньки Мосеево до Москвы

Воспоминания и размышлизмы

© Ширяев Е. В., 2019

Моё позднее писательство

В 2017 г. я издал 2 книги под такой же обложкой и названием.

Впрочем, в молодые институтские годы я писал стишки, их печатали в местных газетках. Это было давно.

Многочисленные научные статьи, технические проекты, учебник «Автоматизированные системы управления на водном транспорте» я к писательству не отношу.

Ну а окончательно уйдя с работы, занялся я писательством на портале Проза.ру. Это удобный портал – пиши что хочешь, читай кого хочешь. Вот как выглядит моя статистика на портале утром 15.11.2018:

- Опубликовано произведений: **48**
- Читателей: **2547** + сегодня **0**
- Вы получили рецензий: **128**
- Вы написали рецензий: **236**

При включенном Интернете на сайт портала можно войти следующим образом:

- В поисковой строке Интернета написать по-русски проза.ру; Нажать кнопку Найти.
- В появившемся списке нажать «Проза.ру – национальный сервер.....»;
- Нажать кнопку Авторы;
- Набрать Евгений Ширяев или Тамара Ширяева (у неё тоже есть страница на портале, где помещена её книга и другое);
- Нажать кнопку Найти и идти по сайту.

О чём эта 3-я книга?

«Всем известно – дети любят сказки».

Молодёжь (особенно девушки) любит романы. В зрелом возрасте мы предпочитаем мемуары.

Мои произведения на портале Проза.ру в основном помещены под рубриками: История и политика; Философия. Это мои размышлизмы в соответствии с возрастом. Впрочем – в начале книги есть кое-что и под рубрикой Мемуары, в том числе повторённое из 1-й книги. Это и отражено в 3 главах книги.

Глава 1. Кое-что мемуарное

1) Родители

Наши с сестрой Люсей (на два года меня младше) родители были, судя по всему, умные ребята, но им очень не повезло, прожили по 32 года.

Отец, Ширяев Владимир Михайлович, 1909 года рождения, из вологодской деревни Матурино (на реке Шексне, теперь в черте города Череповца). В молодые годы работал землемером, это была важная для деревни должность, особенно при коллективизации, в которой отец участвовал. Окончил рабфак, был уже членом ВКП(б), поступил на биологический факультет Ленинградского университета. Был председателем объединенного студенческого и преподавательского профкома университета (это что-то значит). Заболел (моя бабушка говорила: туберкулез костей, ходил с палочкой). Это, конечно, следствие хождения землемером по болотистым вологодским полям. После окончания университета его оставляли в аспирантуре, но он после смерти моей матери (о чем ниже) уехал в Крым, ученым секретарем Никитского государственного ботанического сада, в частности, из-за необходимости перемены климата. В 1941 году немцы утопили в Черном море пароход, на котором отец эвакуировал имущество НГБС. Я визуально отца не помню, мал был.

Мать, Константинова (такая тогда была мода – не менять девичью фамилию) Екатерина Павловна рождения 1908 года, из деревни Мосеево Тверской губернии. В молодые годы работала агрономом, была членом ВКП(б), принимала активное участие в коллективизации. Когда году в 1976 мы с сестрой Люсей устанавливали памятник ей, деду и бабке на деревенском кладбище, помогал нам, в частности, пожилой мужик, который хорошо знал мать. После первого граненого стакана он сказал: “Как же, помню, мы ее звали – Катя кудрявая в красной косынке”. Она действительно была кудрявая, это можно видеть на фотографии, хотя визуально я ее тоже не помню. Через поколение кудрявой оказалась ее внучка Катя.

Мать, как и отец, окончила рабфак и поступила на биологический факультет Ленинградского университета, где и встретила с отцом. По окончании работала некоторое время микробиологом на хлебозаводе, но заболела, уехала с детьми, мной и Люсей, в Мосеево и там в 1940 году умерла от рака желудка, который тогда не только лечить, но и диагностировать толком не умели. Видимо, сказалось нервное напряжение – агроном в 18–20 лет, партия, коллективизация, университет, дети... Я, четырехлетний, провожал телегу пешком на кладбище, но запомнил только, как в соседней деревне Дарьино встретил мальчишку, который ходил на ходулях, чего я до этого не видал (через несколько лет я сам сделал себе ходули). На поминках соседка бабка Акулина, дурочка, говорит мне: “А ты, милоч, поплачь, легче будет”. Я убежал за печку и разрыдался, взрослые стали корить бабку Акулину.

О других родственниках написано в книге 1.

Ширяев Владимир Михайлович (1909–1941)
Константинова Екатерина Павловна (1908–1940)

2) Война глазами ребенка

Ах война, что ты подлая сделала... (Б. Окуджава)

Немного осталось людей, прошедших войну на фронте. Тех, которые в войну были детьми, конечно, больше, хотя и они все давно пенсионеры. Думаю, и их взгляд имеет значение для младших поколений, чтобы не было войны.

Мой год рождения – 1936. Родился в Ленинграде, там мои родители (из крестьян) закончили Ленинградский государственный университет. Но в 1940 году мать умерла (рак). Про судьбу отца узнал только после войны. Немцы утопили в черном море пароход, на котором он эвакуировал имущество Никитского государственного ботанического сада (Крым), в котором он начал работать после смерти матери.

Итак, в 1940 году мы с сестрой Люсей (на два года меня младше) оказались в деревне Мосеево Калининской области, у деда Паши и бабки Саша. Мосеево – глухая деревушка, нет ни электричества, ни радио. Зато лес, речка, огород, домашние и дикие животные, и детство было бы золотым, если бы не война.

Началась война. С этого момента я все помню довольно хорошо, слишком резкие были впечатления. Расскажу тезисно о некоторых эпизодах, которые я сам наблюдал, в виде отрывочных кадров.

Конец июня 1941 года. Объявлена всеобщая мобилизация мужиков до 35 лет. От соседней деревни Боярниково движется караван из нескольких телег. На телегах солдатские котомки, за телегами идут несколько призванных мужиков и сопровождающих их женщин. В Мосеево караван останавливается, к нему присоединяются 3 мосеевских мужика. Женщины потихоньку плачут, одна молодая впадает в истерику, ее успокаивают. Играет цыганочку гармошка, мужики (конечно, подвыпившие) пляшут, пляшут остервенело, как будто в последний раз. Так оно и было, я потом узнавал – никто из первого призыва не вернулся с войны живым. Наконец раздается команда – женщинам остаться, мужикам вперед на станцию Старица. Молодая истеричка бросается к своему мужу, другие бабы ее оттаскивают и снова успокаивают. Поехали. «А женщины глядят из-под руки, вы знаете куда они глядят».

Конец сентября 1941 г., немецкое наступление на Москву. С запада, от деревни Тепляшино, слышны артиллерийские выстрелы, над нашей деревней с противным визгом летят зажигательные снаряды, летят в соседнюю деревню Анцинориху, факелом вспыхивает один окраинный сарай, другой. Дед спешно копает яму во дворе, закапывает мешки ржи (которые и спасли нас потом от голодной смерти), маскирует яму. Бабка суетится в избе, тоже кое-что припрятывает, и вдруг обнаруживает за шкафом желтую гранату с ручкой (не лимонку), оставленную кем-то из отступавших наших солдат. Легкая паника, граната забрасывается подальше за огород.

В деревню вошли немцы. Окружили окраинную избу, подозревая там нахождение наших солдат. Обстреляли. Из избы с поднятыми руками выходит живущий в ней дед, за его спиной прячется его бабка (несколько дней затем они жили у нас, их избу немцы сочли стратегическим пунктом). Немец моей бабке: «Матка – млеко, матка – яйки». Бабка отрицает наличие этих деликатесов. Немец с фонариком лезет в подпол, все находит, замахивается на бабушку автоматом. Немцы из автомата стреляют кур. Уцелевшие куры забиваются под амбар, в эту щель взрослый человек пролезть не может, но немцы лежа расстреливают и этих беглянок. Немцы варят всех кур сразу в одном огромном котле, едва пролезавшем в печку. Одна черная хитрая курица уцелевает, потом живет у нас во дворе, причем как только слышит немецкую речь – прячется. Научилась немецкому языку, полиглотка. Выжила, и вместе с таким же хитрым

соседским петухом положила начала новому поколению мосеевских кур. Я потом читал точно такой эпизод у Бориса Полевого.

У нас в избе квартируют два немца, мы ютимся на кухне и за печкой. Бабка истопила вспомогательную печку (была и такая кроме основной), закрыла трубу. Немцу показалось мало натоплено, и он подбрасывает в печку два полена. Бабка возмущенно вытаскивает их обратно, пытаясь объяснить немцу – так нельзя, угоришь. Немец бьет бабку поленом по голове, бабка падает. Дед идет к немецкому начальству, и в результате, к удивлению деда, этого немца отсылают на передовую.

Нам поселяют двух других немцев, лейтенантов. Эти довольно вежливы – и офицеры, и передовая уже далеко. Угощают нас с Люсей шоколадом. Трехлетняя Люся качается на спинке кровати и поет услышанное от немцев: «Сталину капут, Сталину капут». Немцы хохочут, бабка разъяренной тигрицей подскакивает и хорошим шлепком отправляет Люсю на кровать. Люся ревет, немец грозит бабке пальцем.

Немцы отмечают рождество. Елка, елочные игрушки, специально присланные им из Германии (потом мы сами много лет украшали ими елку). Немцы подзывают деда, наливают маленькую немецкую рюмку. Дальше точно по Шолохову (есть у него такой эпизод). Дед от рюмки отказывается, немцы насупливаются, но дед приносит граненый стакан. Немцы наливают немного, дед показывает – полный. Немцы наливают полный и с любопытством смотрят. Дед выпивает, крикает и уходит на кухню.

Вечер, немцы сидят за столом, елка еще стоит, в окно раздается стук, команда, и немцев как ветром сдувает. Это идет наше московское контрнаступление. Немцы под угрозой автомата (сам видел) успевают прихватить деда с лошастью, чтобы вез их (немецкая техника стояла – не было бензина). Дед возвращается через неделю, без лошади, без кнута и без шапки. Наш НКВД (или Смерш) его забирает и отправляет в Калинин. Дед возвращается через два месяца, без дальнейших последствий.

Немцы только что удрали, прошли и наши лыжники в белых масках (бабка причитала «Милые!» и совала им горбушки хлеба). В ночи зловещее пламя по всему горизонту. Нашу деревню не сожгли, потому что она глухая, от станции далеко и немцы не могли подвезти бензин, да и некогда им было. Бабка тревожно мечется из избы на улицу и обратно, и снова на улицу. Я за ней, хватаю за юбку и причитаю: «Бабушка, не ходи!». Утром все население деревни бросилось грабить четыре оставленные немцами машины. В них много было добра, награбленного немцами. Я обхожу избу, ощупываю каждый уголок и гвоздик с радостным ощущением – теперь снова все мое.

Наше контрнаступление остановилось перед ржевско-вяземским выступом немцев. Ржев от нас в 40 километрах, так что мы оказались даже не во фронтовой, а в армейской военной полосе (21 армия Конева). Так фронт стоял до 1943 года, и за это время наша деревня понесла еще большие потери. Немецкие самолеты налетали почти ежедневно, поскольку в деревне было много красноармейцев.

Бомба попадает в соседский дом Воробьевых. За самоваром сидели Воробьевы дед с бабкой и 4 стоящих у них красноармейца. Угол дома разворочен, одного красноармейца убило, другого ранило, а деду осколок только продырявил рукав шубы.

Мы с бабкой в избе. Раздается знакомый противный визг бомбы. Бабка падает на меня и прижимает к полу. Бомба разрывается метрах в десяти от окна, но плохих последствий нет, бомба была мала. Воронка диаметром метра 3 долго остается.

Бомба попала в дом наших родственников Константиновых. Утром дед идет туда, я увязываюсь за ним. Улицы в северных деревнях широкие, на улице снежная целина. Идем, налетает немецкий самолет. Дед валит меня в снег и придавливает собой, я пишу: «Дедушка, ты что?». Пулеметная очередь проходит в двух метрах от нас. Самолет летел низко, и немец явно видел, что это не военный объект, а дед с ребенком. Терроризировали, нагнетали страх. Немец развернулся и еще очередь дал, но тоже не попал.

(С полуюмором можно констатировать: я тоже внёс маленький вклад в победу, поскольку немцы израсходовали на меня несколько десятков патронов).

Подшли к дому Константиновых. Дом разметан по бревнышку, двор весь покосился. Пробрались на двор. Сидит на земле мертвая замерзшая тетка Дарья, черные волосы закрывают лицо. Дед откинул волосы, а у нее передней половины черепа нет – срезало осколком. Эта картина мне долго снилась. Покалеченных ребят Виктора и Веру уже увезли.

Красноармеец целится из винтовки в скворца, поющего на тополе. Я с содроганием сердца наблюдаю. Меткий выстрел, скворец падает к ногам солдата. Откуда ни возьмись – офицер, делает резкий выговор солдату и бьет его мертвым скворцом по морде.

У нас в избе, в частности, стоял башкир Шарифов, детдомовец, хороший парень. Привязался душевно к бабке, и бабка к нему привязалась. Ушел дальше, несколько писем написал в солдатских треугольниках, обещал обязательно заехать, а потом письма прекратились. Где ты сложил голову, башкир Шарифов?

9 мая 1945 года. Солнечный майский день. Я иду в школу, навстречу возвращаются другие ребята – победа, занятий сегодня нет! Устраиваемся на пруду ловить лягушек (просто так – поймаешь, помотришь и отпустишь). Все вымокли, пришли домой – никакой ругани, у всех взрослых просветленные лица.

Так кончилась война, хотя ее последствия проявлялись очень долго, и об этом тоже нужно сказать.

Мылись первые годы в печке. Немцы все бани разобрали, то-ли для каких-то нужд, то-ли опасаясь партизан (бани в целях пожарной безопасности строились на большом расстоянии от домов). В натопленную печку бабка ставит ведро с горячей и ведро с холодной водой, на подстилает солому. Берешь мыло и мочалку и лезешь в печку, за тобой закрывают заслонку. Темно и жарко, голову поднять нельзя. Мне нравится, а маленькая Люся боится темноты и плачет. Интересно, что дед и бабка тоже умудрялись размещаться в печке. Это зимой, а летом я бегаю на речку моего детства. Речка называется Тьма, впадает в Тверцу, а та в Волгу.

Дед и бабка работают в колхозе. На трудовни почти ничего не дают.

Военная разруха. Из многих лошадей осталась только одна Майка, моя подруга. Пашут на коровах.

После пахоты – боронование. Четыре бабы, моя бабка в том числе, тянут борону.

Дед для вспашки личного огорода запряг нашу корову Райку. Я веду ее по борозде в поводу, Райка под кнутом напрягается, у меня от жалости катятся слезы из глаз.

Но постепенно пошло веселее. Реанимировали МТС (машинно-тракторную станцию). И лошади от Майки другие стали появляться, к тому же завели кастрированных быков. В колхозе стали дела налаживаться.

В некоторых деревнях и после войны стояли солдаты (в основном туркмены). Иногда это было опасно. В 12 лет пошел я за 15 километров лесом в деревню Парамониха, на свадьбу к моему троюродному брату Виктору Тубареву. В разгар свадьбы врываются солдаты. Дяде Васе Тубареву солдатской пряжкой в лоб, вступившемуся другу Виктора ножиком под лопатку.

Невеста села на жениха, загоразивает его. Солдаты похватили что было со стола и скрылись. Тем и свадьба кончилась, а было ли какое-то расследование – не знаю.

В основном же обстановка в деревнях была нормальная. Уходя из дома, только вставляли палочку в пробой, чтобы показать, что никого нет дома. На замок же закрывали только когда в окрестностях появлялся цыганский табор.

Я рос в основном здоровым мальчишкой (щи да каша, молоко). Но, конечно, несколько и поболел. Пятилетним рыл я в огромном снежном сугробе норы и ползал по ним. Пришел домой – сам как сугроб. Заболел воспалением легких. Дед повез меня на санках в деревню Тепляшино, там был военный медик. Дал медик какие-то таблетки, а дед его заодно спросил – не наследственная ли болезнь рак. Медик (наверно, это был простой фельдшер) сказал такую чушь, что в возрасте матери мы тоже можем заболеть раком. Заставил меня много десятилетий помнить об этом.

Ну а мы, ребяташки, пошли по жизни дальше. Я сейчас зам. директора одного из московских НИИ. Люся – зав. кафедрой в тверском университете. Даже искалеченные Виктор и Вера Константиновы прошли по жизни хорошо, и в семейном, и в производственном отношении. Уверен, что это стало возможным только благодаря социалистическому строю, иначе мы бы просто не выжили.

3) Гибель отца

Можно набрать в Интернете: Тайна гибели теплохода «Армения». Увидим много статей. Скопируем немного.

Когда на Красной площади 7 ноября 1941 года шел военный парад, у берегов Крыма случилась крупнейшая в российской истории морская трагедия. Семьдесят лет назад в Черном море произошла самая убийственная в истории нашей страны морская катастрофа. 7 ноября 1941 года у крымского побережья гитлеровская авиация отправила на дно санитарный теплоход «Армения», на котором из осажденного Севастополя эвакуировались на Кавказ раненные, врачи и жители города. Сколько людей было на борту – никто в точности не знает. Но по оценкам специалистов – от 5 до 7 тысяч человек. В 2–3 раза больше, чем на печально знаменитом «Титанике»! В живых остались лишь единицы.

В память об этой трагедии, каждый год 9 мая ялтинские портовики выходят в море на место гибели теплохода «Армения», чтобы почтить память погибших в трагедии и возложить венки.

На «Армении» погиб и Ширяев В.М., эвакуировавший имущество НГБС из Ялты на Кавказ.

В других статьях описывается подробно последний рейс «Армении», путаница приказов, даже свидетельства немецкого лётчика, бомбившего теплоход, послевоенный поиск «Армении» на черноморском дне (не нашли).

В наследство от отца мне достались брезентовый ремень с ручкой (для опоясывания тяжёлого походного чемодана) и чёрно-белая фотография (молодой человек сосредоточенно смотрит сейчас на меня – куда и как пойдёшь? Он не узнает).

И ещё, конечно, гены мне достались.

4) Моё золотое детство

Детство – почти всегда золотое, иначе разве только оно протекает в каких-то кошмарных условиях, типа Освенцима. Разумеется, из золотого детства я вычёркиваю войну. Получается период с 1946 по 1950 годы, с 9 до 14 лет. Немного. Сколько есть. То-есть было.

У меня оно было золотым, несмотря на бедность. Каждое впечатление – ново, неясно формулируются какие-то мечты о каком-то заоблачном далеке. А бедность не ощущается, было бы что-то поесть (“Щи да каша – пища наша”). И ты еще не слышал о таких штучках, как мороженое, мандарины. Лучшее лакомство – это когда перед обедом живот уже подводит – внеурочный кусок черного хлеба, посыпанный крупной солью.

Наша изба трехконная (не пятистенка), в ней большая русская печь (отличное изобретение наших предков), и еще вспомогательная печь, только для дополнительного вечернего обогрева. Стены оклеены старыми газетами «Луковниковская правда». У деда с бабушкой кровать (впрочем, бабушка предпочитает спать на горячей печи), малышня спит зимой на скамейках, а летом на полу. На подоконниках герань. Изюм всех щелей смотрят тараканы, черные и рыжие, шевелят усами. Тараканы безобидные существа, они только подбирают крошки, кухонные санитары. Они до того привычны, что я на спор съедаю пару жирных черных тараканов. А вот клопы – это напасть, не дают спать. Ежегодно производится их выморозка, когда зимой открываешь все двери и переселяешься к соседям (а потом они к тебе). Это помогает, но не надолго.

«Зачем ты пишешь эту грязь – про съедаемых тараканов», – говорит мне моя Тамара. Про тараканов – это, конечно, мелочь. Но я в принципе с ней не согласен. В предисловии я обещал, что буду искренним. Это один из эпизодов, которые я не хотел бы вспоминать. Но так было. И может быть и дальше я припомню эпизоды, которые моей чистюле-Тамаре не понравятся.

К избе пристроен большой двор. В нем отделения для коровы, лошади, теплый хлев для овец, сеновал. Еще отдельно есть амбар.

40 соток земли. Часть отведена под овощной огород (капуста, лук, огурцы, свекла, морковь, горох и 3 куста крыжовника для ребятишек). Основная часть разделена пополам для ржи и картошки, ежегодно меняющихся местами. Огород, корова и овцы нас в основном и кормят, в военные и первые послевоенные годы на трудовни в колхозе почти ничего не получали. Помню, дед меня взял на общее собрание, там после больших споров определили 100 г ржи на трудовень, выработал 100 трудовней – получи 10 кг ржи.

Электричества и даже радио нет. А сейчас я пишу на компьютере и ползаю по Интернету. Много вмещает в себя одна жизнь.

Мылись первые годы в печке. Немцы все бани разобрали, то-ли для каких-то нужд, то-ли опасаясь партизан (бани в целях пожарной безопасности строились на большом расстоянии от домов). В натопленную печку бабушка ставит ведро с горячей и ведро с холодной водой, на подстилку солому. Берешь мыло и мочалку и лезешь в печку, за тобой закрывают заслонку. Темно и жарко, голову поднять нельзя. Мне нравится, а маленькая Люся боится темноты и плачет. Интересно, что дед и бабушка тоже умудрялись размещаться в печке. Это зимой, а летом я бегаю на речку моего детства. Речка называется Тьма, впадает в Тверцу, а та в Волгу.

Зимними вечерами бабушка сидит за прялкой, дед читает вслух собравшимся мужикам «Луковниковскую правду». Заинтересованно обсуждают.

Дед и бабушка работают в колхозе.

Военная разруха. Из многих лошадей осталась только одна Майка (моя подруга, к ней я еще вернусь). Пашут на коровах.

Кадр. После пахоты – боронование. Четыре бабы, моя бабка в том числе, тянут борону.

Кадр. Дед для вспашки личного огорода запряг нашу корову Райку-первую. Я веду ее по борозде в поводу, Райка под кнутом напрягается, у меня от жалости катятся слезы из глаз.

Но постепенно пошло веселее. Реанимировали МТС (машинно-тракторную станцию). И лошади от Майки другие стали появляться, к тому же завели кастрированных быков.

Изредка церковные праздники. Общий праздник – Пасха, остальные распределены по деревням. Наш праздник – летняя Казанская (когда закончен покос). Мне дают мелочи, я в соседней деревне Дарьино покупаю стакан красной смородины (у нас ее не было). Приезжают или приходят родственники из соседних деревень. Выпивают (в другое время не пьют). Долго и громко поют русские народные песни («Хазбулат удалой, бедна сакля твоя...» и другие). Долго пьют чай вприкуску из большого самовара. Меня просят поставить еще один самовар. Теперь люди разучились петь, смотрят и слушают телевизор. А тогда сами пели, и еще как. Много лет спустя, в Комарове под Горьким, я слушал, как пела Тамарина родственница тетя Клава. «Над серебряной рекой, на златом песочке, долго девы молодой я искал следочки...», – с первого слова фортиссимо звенел ее голос, и я вспоминал рассказ Тургенева «Певцы». Ей бы на телевидении петь – не подкачала бы.

В другой праздник дед и бабка отправляются в гости в другую деревню, Малинники. Мы с Люсей остаемся одни. Я в подполе пальцем пробую – настоялись ли сливки в кринке с молоком. Незаметно все сливки исчезают, тогда приходится выпить и все молоко. «Молокан», – ругается бабка, возвратясь. Люся до сих пор не признается, что и она пила это молоко.

Между прочим, Малинники и Берново – знаменитые пушкинские (точнее, вульфовские, но знамениты по Пушкину) места. Теперь туда ходит экскурсионный автобус, а тогда я об этом и не знал. Интересно, знала ли об этом учительница по литературе, Анна Ивановна?

В некоторых деревнях и после войны стояли солдаты (в основном туркмены). Иногда это было опасно. В 12 лет пошел я за 15 километров лесом в деревню Парамониха, на свадьбу к моему троюродному брату Виктору Тубареву. В разгар свадьбы врываются солдаты. Дяде Васе Тубареву солдатской пряжкой в лоб, вступившемуся другу Виктора ножиком под лопатку. Невеста села на жениха, загораживает его. Солдаты похватили что было со стола и скрылись. Тем и свадьба кончилась, а было ли какое-то расследование – не знаю. Витя через много лет в Ленинграде застрелился из ружья.

В основном же обстановка в деревнях была нормальная. Уходя из дома, только вставляли палочку в пробой, чтобы показать, что никого нет дома. На замок же закрывали только когда в окрестностях появлялся цыганский табор.

Я рос в основном здоровым мальчишкой (щи да каша, молоко). Но, конечно, несколько и поболел. Пятилетним рыл я в огромном снежном сугробе норы и ползал по ним. Пришел домой – сам как сугроб. Заболел воспалением легких. Дед повез меня на санках в деревню Тепляшино, там был военный медик. Дал медик какие-то таблетки, а дед его заодно спросил – не наследственная ли болезнь рак. Медик (наверно, это был простой фельдшер) сказал такую чушь, что в возрасте матери мы тоже можем заболеть раком. Дурак, заставил меня много десятилетий помнить об этом.

В другой раз, собирая в лесу грибы (разумеется, босиком), порезал я об какую-то осоку ногу. Порез был пустяковый, но, видимо, осока была ядовитой (есть такие). Вся нога до колена напухла, нарыв. Повезли в Дарьино, фельдшер сделала операцию. Полтора месяца просидел

я дома, вместо того чтобы бегать по полям и лесам. Но это все пустяки, в основном, повторяю, детство было золотое.

Мои домашние и дикие животные.

Вы, горожане, в лучшем случае знаете только кошку и собаку. Я же до 14 лет жил в мире животных.

Конечно, на первом месте корова. “Кормилица”, – говорила бабка. В самом деле – молоко, телята, мясо, шкуры. После Райки-первой у нас была Райка-вторая, и мы с ней были большие друзья. Из поля встречаю – она сразу ко мне, чтобы я дал ей капустных листьев. Ежегодно приучал к полю ее телят (первоначально, по холоду, они жили у нас в избе за печкой). Налетят слепни, теленок задрал хвост удирает домой, ты за ним и отводишь снова в поле. Но неприятно запомнился процесс резания подростшего бычка. Дед, приучая к домашним заботам, взял меня с собой в хлев. Погладил бычка (тот, дурашка, лезет лизаться), а потом как жажнет кувалдой по лбу. Закачался бычок, глаза подернулись туманом. Дед еще жажнул, упал бычок и дед перерезал ему горло. Что поделаешь – неприятно, но нужно. Так многое в жизни неприятно сочетается. Снова Тамара: «Зачем ты пишешь эту грязь».

Лошадь Майка (потом еще была ее дочь Тамарка, красивое и строптивое создание; везет мне на Тамар). Майка, колхозная, была на постое на нашем дворе. Эту угощал кусочком хлеба с солью. Она могла бегать за мной, как собачка, не нужно было узды. Когда я по весне чистил ее от старой шерсти железным скребком, я несколько не боялся ни встать сзади, ни заставить поднять ногу, ни залезть под живот. Я плакал, когда она по старости свалилась в военный окоп и там умерла.

Овцы. У деда были романовские овцы. Насколько знаю, это лучшая из пород, только потом она стала в колхозах исчезать, потому что требовала несколько большего ухода (за копытами нужно было следить). Ежегодно резали двух баранчиков (я ловил и держал, дед резал и разделывал). Овечьими ножницами стригли овец, я держал.

Вообще у нас было так называемое натуральное хозяйство. Хлеб, картошка и прочие овощи свои. Молоко, мясо свое. Я ходил в дубленой овечьей шубе (не знал тогда, что это называется дубленкой), в овечьей же шапке, на ногах валенки а на руках варежки также из шерсти своих овец.

Куры, гуси. Когда мне первый раз поручили отрубить курице голову, я это сделал, но курица без головы вырвалась и улетела. Тамара: «Зачем ты пишешь эту грязь».

Нельзя обойти котов. Запомнилось, как закапывал котят от первой кошки Мурки (и снова Тамара). Особенно запомнился третий кот, большой рыжий Матрос. Был он отличный мышелов (в деревне коты предназначались не для лежки на диване), но был и большой разбойник. Однажды притащил зайца. Гонял всех окрестных котов. Однажды загнал в колодец кота бабы Любы, откуда она его утонувшего вытаскивала. Баба Люба (здоровенная и еще относительно молодая), зайдя как-то к нам и увидев Матроса, схватила его и ушла, по пути разбила ему голову об сарай. Сейчас я говорю коту Ваське: «Не сносить тебе рыжей головы».

Из диких заслуживают упоминания некоторые. Кадр. Собираю в лесу малину, шорох, раздвигаю ветки – медведь нос к носу, тоже пошел по малину. Секунды три стоп-кадр, затем медведь хрюкает, я взвизгиваю и бросаюсь в разные стороны.

Кадр. Иду в школу, только рассвело, иду по снежной тропке. В перелеске на тропку выходит волк, садится и смотрит на меня. Я смотрю на него – знаю, к зверю поворачиваться спиной нельзя. Смотрим друг на друга с минуту, наконец волк лениво покидает тропку. Был и еще случай, когда волк сопровождал меня по лесу километра 4.

Лисы, зайцы. Ласточки, которые вили гнездо в сарае над моей головой. Стрижи – если стрижа поймать, раны от когтей на руке обеспечены. Белка, забежавшая в деревню, которую мы ловили всем мальчишеским скопом. Майские жуки. Скворцы, для которых я сделал избушку. Коростель, по-местному дергач. Скворец – утренний певец, жаворонок – дневной, коростель – вечерний. Незабываемая музыка.

Ловлю птиц. Залезаю в будку для цыплят, в ней маленькое окошко, перед окошком клетка с дверкой, к ней привязана ниточка, на пол насыпаны зернышки, крошки. Воробей умная птица, но его подводит нахальство. Тут же в клетку набивается штук 5, дернул за ниточку, поймал. Посмотрел, какие они разные, отпустил. А красавец-снегирь глуп, но очень осторожен, в клетку не идет. Снегири залетают в сарай (там остатки семян от сена). Заходишь в сарай, даже не закрывая дверь (иначе темно) машешь руками, снегири мечутся, устают, берешь их, любишь окраской, отпускаешь.

Мои сельскохозяйственные работы.

В деревне всегда и всем находится работа. Охрана грядок от кур. Охрана цыплят от коршуна, намолоченной ржи от воробьев. Перебор картошки (ее много в темном холодном подполе) вместе с сестрой Люсей и двоюродными Женей и Розой. Пропалывание грядок (на соседней грядке Люся) и картошки. «Сорную траву из поля вон», – говорит дед. Это значит, что за поле надо выбрасывать те растения, которые размножаются корнями – осотник, молочай, крапива. Всю же другую траву нужно, вырвав, оставлять на месте – это будет удобрение. До сих пор не могу убедить горожанку Тамару, что надо поступать именно так. Она всю траву с дачи тащит в угол. Драние ивовой коры в лесу со сдачей на приемный пункт.

С 12 лет бригадирша тетя Нина считает меня мужичком и просит выходить на колхозные работы. На меня заведена и книжка, куда записываются трудовни. Пропалывание льна. Теревление льна (это делалось вручную, все руки в мозолях и порезах). Копание картошки (точнее, подбор ее за лошадь). Поездка с ночевками на дальний покос, ворошение и скирдование сена. Косить как взрослые я еще не мог, хотя для личных нужд косил, сколько мог. Во всяком случае, когда в кино показывают косцов и я вижу, что они неправильно держат косу, мне смешно.

Пастьба лошадей и быков в ночном. Пасем вдвоем с тетей Таней Бодановой (несколько десятилетий спустя мы с Тамарой, Димой, Катей месяц жили у нее в Мосееве). Тетя Таня сидит на сене в сарае, я, чтобы не уснуть, постоянно обхожу стадо и громко пою («У нас был юный барабанщик, он песню веселую пел...», «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...» и все что знаю). Потом бабушки вспоминали, как я пел по ночам. Наконец даже лошади улеглись. Я кладу голову на ногу быка Рыжака, он свою голову кладет на меня. Тепло. Просыпаюсь – рассветает, коварные лошади уже в крайнем огороде. Днем следует маленький скандалчик.

Одно лето я работаю подпаском. Пастух – ответственная должность в деревне. От него зависят сохранность и упитанность коров и овец, надой молока. Его, профессионала, нанимают всем миром (обычно он из другой деревни). Он ночует поочередно во всех избах, его хорошо кормят. Только покажется солнце, раздастся однообразная, но такая прекрасная музыка его дудочки-жалейки. Хозяйки уже подоили коров и выгоняют их. Будят и меня, подпаска, дают узелок с хлебом, картошкой, парой яиц, бутылкой молока. Целый день водим стадо коров и овец. Пастух знает все окрестности и ведет с умом. Сначала по одной трассе два дня, затем по другой и так меняет трасс 5–6, возвращаясь на первую, когда съеденная трава там снова подросла.

Мое, подпаска, дело простое – не давать отбиваться от стада каверзным молодым буренкам и глупым овцам, подгонять отстающих. С самого начала проблемкой для меня становится бык, настоящий, некастрированный, зверь. Пастуха он признает полностью, меня – нисколько. Вот он, завидев меня поблизости, идет на меня, ревет, роет копытом землю. Но у меня есть

кнут, пятиметровый с ручкой, сплел сам его изо льна, на конце пучок конского волоса, собственноручно надерганного из хвостов лошадей. Высшее пастушье умение – щелкнуть так, чтобы попасть в пролетающую муху. Сначала щелкаю перед мордой быка. Ревет и продолжает медленно надвигаться. Наконец щелкаю прямо по морде. Это очень больно. Бык мотает головой и отходит. После нескольких таких уроков он полупризнает меня, но все-таки я всегда настороже.

Однажды, пригнав стадо домой, обнаружили пропажу одной молодой коровенки. Пошли искать чуть ли не всей деревней. Нашли – она полезла пить в большую воронку от бомбы, берега глинистые, и она в этой воронке утонула. Мужики вытаскивали веревками. Мясо все-таки пригодилось. Пастуху громкий нецензурный выговор, меня, подпaska, негодование обошло.

Особенно мне нравились работы, связанные с поездками на лошадях – возка сена, льна и всего, что возят. Вот наряжают меня возить навоз. Запрягаю свою подругу Майку. Сначала я должен, стоя на телеге и правя лошадью, проехать в довольно узкие ворота двора, из которого возим, развернуться и поставить телегу на нужное место. Можно, конечно, вести лошадь в поводу, но мне хочется показать свое умение. Бабы вилами наваливают навоз. Дальше я в поводу веду лошадь с тяжелой телегой в поле, вилами сбрасываю кучки навоза через определенные интервалы. Встаю на пустую грязную телегу (конечно, босиком), Майка трусит обратно. Так за день делаем рейсов 12, мне записывают один трудовень.

Майка мне достается не всегда. Вот по разрядке мне достался Мерин. Мерин злой. Он достался деревне от военных, военные будни наложили на его характер тяжелый отпечаток. Вообще лошади, как и люди, очень разные. Все зависит от того, как с ними обращались. Вот Лысан, Майкин сын, был большим добродушным увальнем. Только ленивый мальчишка не покатался на нем и не подергал конский волос из хвоста на лески. Когда же я через несколько лет приехал в деревню, от добродушия Лысана не осталось и следа. Потребовалось мне взять его из поля, с трудом поймал. Сел на него, а он старается меня за ногу зубами стащить.

Так вот, иду я за Марином. Увидев, что я иду к нему, он сразу атакует. Слава богу, он спутан, и я легко отбегаю. Делаю вокруг него три быстрых сужающихся круга, он не успевает поворачиваться за мной, и тогда я хватаю его за холку, а в морду сую приготовленную торбу с горстью овса. Он жует, я распутываю. Чтобы надеть узду, нужно быстро уронить торбу, двумя большими пальцами сильно нажать с обеих сторон у основания челюстей, чтобы он открыл рот. Теперь он не опасен, хотя посматривать приходится.

Вот еще одна хорошая работа. За деревней стоят рига и овин. Рига – это просто сарай с хорошо утрамбованной глиняной площадкой посередине. На площадке молотят рожь, лен. Молотят цепями. Это большая палка, к которой на ремешках приделана палка поменьше. Становятся в кружок несколько человек и ритмично поднимают и с силой опускают цепи на рожь. Нужно так поднимать-опускать, чтобы своим цепом не задеть цеп соседа. Когда сосед поднимает цеп, твой должен опускаться. Прямо художественная гимнастика с предметом. Иногда и я встаю в этот круг, но это тяжелая работа, не для мальчика. «Тит, иди молотить». «Брюхо болит». «Тит, иди кашу есть». «А где моя большая ложка?».

А овин – сооружение серьезное. В нем огромная печь, над ней колосники, в стенах нет щелей, дверь плотно закрывается. Топить эту печь – искусство, это всегда поручается моему деду. Есть опасность сжечь овин. Когда печь натоплена, я забираюсь на колосники. Дед подает мне подвезенные промокшие снопы (в риге только сухие), я ставлю их стоймя плотно друг к другу. Колосники – это просто жерди, ходить по ним босиком плохо. Жара как в бане, пыль и ость от снопов покрывают все тело, забиваются в волосы (потом отмываешься в ручье). После этого снопы сохнут, а затем обмолот.

Деду вообще поручаются всякие тонкие работы. Например, отбивание кос во время покоса.

Женщины тащат деду свои косы. Так и слышишь вечером, что дед, как дятел, стучит пробойником по косе, положенной на специально устроенную металлическую бабку. Бабка (то-есть моя бабка, а не металлическая) ругает деда, что он не берет отдельную плату за эту работу: «Все тащат в дом, а ты из дома». Нестяжатель дед. Я эту работу только пробую, она тонкая и тяжелая.

Говорит мне моя младшая Катя: «Пап, а ты напиши больше про детство». Видимо, это означает, что про детство я пишу хорошо, а про остальное плохо. Ладно, Катя, специально по твоему заказу напишу еще один эпизод.

Едем с дедом в лес за дровами. Едем не в ближайший лесок – там, видать, совсем недавно было подсечное земледелие, лесок хилый. Едем подальше, в лес, который называется – заказник. Это значит, что в нем порубка без специального разрешения запрещена. А где его брать – никто и не берет – да еще платить надо, а у деда, как говорится, «вошь в кармане да блоха на аркане». Дед предупреждает: «Женюшка, если кто встретится – мы едем в Денежниково, к дяде Пете» (он тогда там жил). В сани запряжена Майка. Вот – стал забывать крестьянскую терминологию. Это не сани, а дровни. Это разные вещи. Дровни – в чем-то упрощенный, а в чем-то усложненный вариант саней. У них нет бортов и задника, просто ровная площадка из жердей. Передник есть – чтобы при спуске с горы воз не наехал лошади на ноги. Но они более прочные, что ни погрузи – вывезут, не сломаются. В санях ездил Пушкин к девушкам Вульфам, в дровнях – мы за дровами.

Дед в лесу все знает. Берем только березу, не буду объяснять про калорийность, есть и другие достоинства. Сначала выбранную березу пилим двухручной пилой с той стороны, куда она должна упасть, затем с противоположной, береза падает. Дед обрубаёт сучья, я стою. «Женюшка – побегай, на морозе нельзя стоять». Потом пилим на кряжи по длине дровней. Теперь выезжать на дорогу по снежной целине. Майка напрягается, мне ее жалко. Дед замахиывается кнутом. «Дедушка, не стегай Майку!» У деда опускается рука: «Ладно, внучок, Майка вывезет, давай подталкивай». Выехали на укатанную дорогу, теперь легче, но все-таки мы идем пешком за возом. Еще встретился противный овражек, сначала вниз, мы с дедом изо всех сил удерживаем воз, чтобы не наехал Майке на ноги, затем вверх. «Но, но!» А что там «но», Майка, умница, все сама знает.

Наконец видно Мосеево. Темно, изо всех домков дымок вертикально вверх, огоньки керосиновых ламп светят. Не знаю более милой картины, разве у Саврасова что-то подобное есть. Подъезжаем к дому, бабка уже у ворот, рядом и Люся мешается. Дед, усталый и голодный, слегка раздражен: «Саш, где большая тряпка?» – «Да вот она, дед». Этой тряпкой я должен вытереть потную лошадь от ноздрей до хвоста, особенно под брюхом. У деда с бабкой более тяжелая работа по разгрузке. «Саш, тепленькая водичка есть?» – «Ты что, дед, первый год меня знаешь?» Бабка приносит ведро, Майка выдувает его за полминуты. С мороза лошадь холодной водой поить нельзя, заболит. Затем моя обязанность принести сена в огромной корзине, Майка с удовольствием хрустит. Теперь и нам можно ужинать. В деревне так – сначала обиходь, напои, накорми скотину, а потом и сам ужинай.

«Саш, ну что там у нас есть?» – «Дед – щи да каша пища наша» – «Давай». Впрочем, щи с бараниной, и Люся по привычке вылавливает бараний жир и подкладывает мне. К концу каши слышу – бабка говорит: «Жень, да ты спишь, ложитесь с Люсей у печки, я постелила, и мы ложимся».

Утром просыпаюсь – дед у стола шилом орудует, валенок починяет. Бабка: «Жень, а Райка тебе молочка принесла». Через много лет, поездивши по стране СССР и по заграницам, побывав во многих ресторанах и поедав всякое, включая поганых устриц, ничего я не нашел

вкуснее и милее, чем кружка утреннего парного молока с куском черного хлеба, посыпанного крупной солью (третий помол).

Моя учеба.

Когда дед привел меня записываться в первый класс, я уже умел бегло читать, что в те времена да в деревне было большой редкостью. Завуч задумалась: «Так может его во второй класс?». Но я был мал, приняли в первый, и правильно сделали – не нужно опережать возраст.

Учился я всегда хорошо. И семилетку, и речное училище, и институт закончил на отлично. Наверное, сказались и гены, но главное – я брал не только головой, но и попой. Если не получалась задача, я мог просидеть над ней при керосиновой лампе ночь напролет, пока не пойму. Помочь мне никто не мог. 1 сентября всегда ждал с нетерпением, предварительно прочитывая учебники за следующий класс.

Семилетняя школа была в соседней деревне Дарьино. Деревянная одноэтажная, с печным отоплением. Зимой приходишь – чернильницы-непроливашки замерзли, оттаивают, когда натопится печка. Примитивно нет тетрадей. Первую тетрадь я сшил, разрезав большие листы (формат А1) бумаги, купленной с дедом на рынке. Потом нашел на чердаке старые (дореволюционные) тетради дяди Пети. Они были исписаны, я писал между строк. Учебников тоже не хватало. Помню, что первой книжки ученика, букваря, у меня никогда не было, мне его не дали, потому что я умел читать. Да и дальше меня как отличника ограничивали при раздаче учебников. Я не роптал.

Перед седьмым классом я сделал четкий вывод, что должен закончить школу на отлично, чтобы успешнее идти дальше. В те времена в деревне семилетнее образование считалось вполне достаточным. Более того, десятилетка была опасна – задержался в деревне после 16 лет, а для отъезда паспорт тебе не выдают. Не помню, точнее не знаю, какой для этого был юридический механизм (я-то его миновал), но мне это говорили точно.

Я составил и повесил на стенку почасовой график своей работы. Приход из школы, обед. Принести из амбара и задать животным сена (из-за огромной корзины я не виден). Принести воды из колодца. Лыжная прогулка (однажды в овраге проложил новую трассу, а под снегом оказались пеньки, очень хорошо я по ним проехался попой). Уроки при керосиновой 7-линейной лампе. Некоторое время со мной рядом сидит уставший дед, читает «Луковниковскую правду», засыпает прямо за столом, ложится. Я продолжаю. Так каждый день.

Однажды дед и бабка оба заболели, слегли. Я считался старшим, хотя был еще мой ровесник Женя и старше меня Роза Константиновы, которые в то время жили у нас. Ну и с учебой у меня все было в порядке. Две недели не ходил в школу, выполняя работы по уходу за животными и другие. Бабка, однако, вставала топить печку (за мной – принести дрова) и варить. На мое предложение, чтобы я топил печку, ответила отрицательно. Хотя я сотни раз видел, как это делает она: дрова сложить на предпечнике в клетку; задвинуть их кочергой в печку, косарем (это такой огромный нож) нащепать растопки и зажигать ее. Но печка и корова – два объекта, которые бабка никому не доверяет. Впрочем, и бабка печку не до конца знает, потому что не знает физики. Летом при растопке печки в избе дым коромыслом, мы ложимся на пол, чтобы можно было дышать, или выскакиваем на улицу. Интересным образом потом с этим эффектом столкнулись Тамара и Катя на даче. Растапливает Тамара печку, дым валит в дом. Первым делом виноват я – неправильно сложил печку. Затем виновата ворона, которая будто бы попала в трубу. А дело просто в том, что на улице температура выше, чем в доме, дым вверх не идет. Сначала нужно прогреть печку газетками или растопкой в случае с бабкой. Но бабка физики не знала. Вот вам польза учения. Тамара: «Не я, а ты сам первый неправильно затопил печку. А еще говоришь об искренности». Соглашаюсь, давно физику не повторял.

Школьные друзья – это незабываемо. Мой один школьный друг – Мишка Семенов, из соседней деревни Тепляшино. Только трое – я, он и еще Шура Садовская прошли семилетку без оставления на второй год. Всех остальных мы в седьмом классе догнали, мы в нем были по возрасту младшими. Там были уже такие архаровцы, как запомнившийся мне Бусурин – дубина под потолок, хулиган, его учителя боялись. Идем с Мишей в мае из школы, тепло, присели на обочине. А Миша уже курил. Свернул он самокрутку и говорит: «Хочешь – покажу, как дым из глаз идет? Зажми мне нос и рот и увидишь». Он затыкнулся, я зажал, а он и ткнул меня горячей папиросой в руку. Ожог потом болел, Мишка извинялся – он сам не ожидал такого эффекта.

Второй друг – Саша Борисов, мосеевский. Он был меня старше на три года, но в основном у меня как-то всегда получалось, что я тянулся к более старшим, и они меня принимали. Его отца со всей семьей еще до войны куда-то сослали. Был дядя Ваня кладовщиком и в чем-то проворовался. Вернулись они, и Саша оказался моим одноклассником. Он был парнем умным и очень обстоятельным. В учебе, однако, ему было трудно, и я ему помогал. До сих пор помню, как я ему безуспешно втолковывал, что 2,5 килограмма и 2 1/2 килограмма – это одно и то же. Он потом поступил в какое-то московское ремесленное училище и стал высококлассным метростроевцем. Его зачем-то командировали в Париж, а затем он оказался во втором отделе (секретном) Министерства иностранных дел. «К самому Громыке вхож», – говорила мне потом его мачеха, тетя Поля. Саша приезжал на машине в Мосеево.

А вот его старший брат Витя оказался совсем другим. Я с Витей общался постольку, поскольку приходил к Саше. Во всяком случае, мы вместе делали из ивовых палок шахматы, я их с Сашей научил играть в шахматы, а Витя потом стал меня обыгрывать. Призвали Витю в армию, оттрубил во флоте 5 лет, вернулся в Мосеево и там застрял. Механизатор широкого профиля, рыжий красавец, от девок отбоя нет, а самогонку сам гонит. Приехал я уже из института на побывку, пришел в клуб. Танцы. Вдруг Витя объявляет: «Яблочко!». Гармонист его слушается, и все расступаются, образовав круг – видимо, не впервой. Витя один исполняет матросское Яблочко, и исполняет прекрасно. Овация. А вот Витя помогает нам на кладбище устанавливать памятник (о чем было выше). Приехал на мотоцикле, на этом же мотоцикле с коляской привез памятник из мастерской. Я переживаю – если Витя выпьет, как же он обратно поедет на мотоцикле. Наливаю только полстакана, Витя возмущен. Что делать – наливаю целый, предлагаю закуску. Но Витя после первой не закусывает. Выпив три (!) граненых стакана, уезжает. Мы идем с кладбища пешком, я переживаю за Витю, но что же я вижу? Сидит Витя у правления колхоза на лавочке и как ни в чем не бывало беседует с председателем колхоза. Последний его день со слов тети Тани Бодановой. Поехали они с Витей на какие-то полевые работы, он – тракторист, тетя Таня помощница. Присели обедать, Витя трактор полностью не выключил (заводить его снова было непросто), только поставил передачу на ноль. А трактор вдруг и поехал. Бросился Витя к нему и попал под колеса. Смерть. Судьбы человеческие...

31 октября 1949 г., в день комсомола, меня приняли в комсомол. В райкоме, где решался на заседании бюро этот вопрос, секретарь говорит: «Так тебе же еще нет 14 лет». Я, ожидавший этот вопрос, отвечаю: «Мне тринадцать с половиной лет, а по правилам округления это четырнадцать». Рассмеялись, приняли. Меня избрали секретарем школьной комсомольской организации (а в ней было, кроме меня, всего пять человек). Собирал и сдавал копеечные взносы, что было однако непросто, потому что некоторым ребятам родители на это просто не давали денег. Как-то помогал пионерской дружине. Со стыдом вспоминаю один эпизод из этой моей комсомольской работы. Догнал я в седьмом классе своего троюродного брата Колю Тубарева из Парамоники (брата того Вити, о свадьбе которого я выше писал). Он вместе со мной вступил в комсомол. Мы с ним и до этого были дружны, как писалось – я по родственному бывал в

их Парамонихе. Учился Коля так себе, был не то чтобы хулиганистым, но уж очень шустрым. Закончили мы седьмой класс, потребовалась Коле комсомольская характеристика. Я написал в основном хорошую характеристику, но вставил одну фразу: «Не всегда дисциплинирован». Это была сущая правда, но не понимал я тогда, что одно дело пропесочить на комсомольском собрании и другое – давать характеристику во внешний мир. Осторожно нужно с этим обращаться. Этот мой поступок потом вспоминали наши общие родственники Шибаевы, вспоминали с удивлением и даже с восхищением мальчишеской ортодоксальностью. Сам Коля при встрече через несколько лет об этом не вспомнил, и мы общались как ничего не бывало. По ученой линии Коля не пошел, но шустрил по разному и вскоре имел в Ленинграде машину.

Особенно я занимался, по поручению учителей, художественной самодеятельностью, и это требует отдельного абзаца.

Руководила художественной самодеятельностью моя любимая учительница Татьяна Алексеевна. О ней несколько слов. Девичьей ее фамилии я не помню (или не знаю), она вскоре вышла замуж за молодого председателя колхоза Бусурина (никакого отношения не имеет к упомянутому выше хулигану, в деревнях много одинаковых фамилий). Молодая, красивая, тактичная, никогда не кричит – даже хулиган Бусурин ее слушался. Всегда скромно (по достатку), но симпатично одетая – прицепит какой-то кружевной воротничок, бантик – девчонки глядят во все глаза, а мальчишки краснеют, когда она на кого-то обратит внимание. Как она попала в эту глушь? Наверное, была родом отсюда. Преподавала она ботанику и зоологию, а у нас была еще классной руководительницей. Эти уроки она старалась сделать практическими. Вот дает задание, чтобы на следующий урок по зоологии кто-то принес лягушку (фамилий не называет). Задание добровольно выполняю я, по дороге в школу ловлю лягушку и приношу. Мне же приходится ее на столе препарировать, демонстрировать все органы, в частности, если на лапки мертвой лягушки посыпать соль, они будут сокращаться. А вот дает задание принести петуха. Я с трудом уговариваю бабку нарезать одну курицу, под обещание, что я потом принесу ее обратно. Также препарировую. Учительница показывает, что если птица садится, у нее автоматически сжимаются пальцы. Теперь мне понятно, почему даже сонные птицы не падают с веток. А вот мы всем классом на уборке картошки. Земля раскисла, и у моих старых ботинок отваливаются подметки. Учительница это замечает, и на следующий день мне как сироте вручают новые американские ботинки. А еще мне вручают американские (лендлиз) коричневые штаны на лямках. Штаны прочные, неизносимые. По-моему, в них ходил еще Том Сойер, но так и не износил. Правда, они, неизносимые, трут в промежности, но это пустяки. Никогда у меня не было таких штанов. Они прочные настолько, что когда я, прыгая с забора, зацепился штанами и повис на колу, они даже не треснули, и я долго барахтался, прежде чем освободился.

Но вернемся к самодеятельности. Первая пьеса была – «Молодая гвардия». Мне Татьяна Алексеевна поручила завидную роль Сережки Тюленина, хотя я к ней несколько не подходил. Кроме того, я был, так сказать, помощником режиссера. Ничего, играли не только в школе, но и в деревенском клубе, народу было битком, хлопали так, что мхатовцам было бы завидно. Названия второй пьесы я не помню, тоже про войну. Здесь возникла коллизия – никто из ребят не хотел играть фрица. Пришлось мне, как добровольному помощнику режиссера, взять эту роль на себя. Я нашел немецкую офицерскую фуражку, кобуру с настоящим немецким пистолетом (этого добра у нас тогда было навалом), и еще зачем-то трубку. Трубку я на сцене даже закурил, стараясь не вдыхать дым. На спектакль в клубе приехало районное начальство – начальник РОНО (отдела народного образования) и кто-то еще. И вот, когда меня в соответствии со сценарием партизаны убили, я, видимо, так удачно упал, что на последующем разборе начальник РОНО спросил: «Ты куда после семилетки?». Я не знаю. «Поступай в калининский вагоностроительный техникум». Кто помнит, у Хазанова юмореска: «Поступай в кулинарный

техникум». Меня это не впечатлило. Тогда мне предложили поступать в ленинградское речное училище. «А кем я буду?». «Штурманом». Вот это мне нравится! Так и определился мой выбор пути, но здесь я выхожу из детства.

5) Мои реки. ГИИВТ

Вот передо мной Сборник воспоминаний выпускников ВГАВТ -2000 г. 70-летие института. В нём и моя статья. Цитирую частично

Начало

Мой путь от военного сироты из деревеньки Мосеево до главного конструктора АСУ на водном транспорте в Москве:

- Ленинградское речное училище, штурманское отделение; плавание на судах;
- Горьковский институт инженеров водного транспорта (ГИИВТ, теперь ВГАВТ), судоводительское отделение; плавание на судах;
- Волжское объединенное пароходство, капитан рейда, диспетчер;
- Аспирантура ГИИВТ (ВГАВТ), эксплуатация водного транспорта;
- ГИИВТ, зав. сектором, зав. проблемной лабораторией транспортной кибернетики;
- Москва, ЦНИИЭВТ, зав. отделом автоматизации управления транспортным процессом, затем зам. директора.

Одновременно Минречфлот назначает Главным конструктором АСУ на водном транспорте.

- Москва, МГАВТ, профессор.

На речной транспорт я попал случайно (юношеская романтика), но вот с 14 до 80 лет ему принадлежу. Закончили ГИИВТ и первая моя жена (ранний студенческий брак), и вторая жена (вместе 49 лет), и старшая дочь.

ГИИВТ 1954–1959

1954 год. Четверо парней (Аксенов, Королев, Овчинников, Ширяев) после окончания Ленинградского речного училища, как отличники направлены для продолжения обучения в ГИИВТ. Эксплуатационный факультет, судоводительская специальность.

Из судоводителей впоследствии вышло много хороших работников речного транспорта, если даже по зрению или по другим причинам они судоводительскую стезю оставили.

Студенческое общежитие ГИИВТа на улице Пискунова 11, комната 430. Как мы жили? Весело (да и как еще можно жить в 18–20 лет).

Абонемент в студенческую столовую.

На большой перемене – "пирожки с котятами" по 6 копеек.

Комсомольские групповые собрания, на которых обсуждаются животрепещущие вопросы нашей учебы и жизни.

Танцы в "красном уголке". Художественная самодеятельность.

Занятия в спортивной секции гимнастики.

Разгрузка барж и вагонов "для поддержания штанов".

Всех преподавателей в краткой статье описать невозможно, назову только некоторых, лично мне особенно запомнившихся:

- Бехтерева Юлия Александровна, начертательная геометрия и практические занятия по черчению.
- Пастернак Николай Фадеевич, математика.
- Иванова Зинаида Михайловна, английский язык.
- Шанчуров Павел Николаевич, судовождение.
- Рыжов Леонид Михайлович, организация работы флота.
- Волский Михаил Иванович, знаменитый сопромат.

О Л.М. Рыжове хочу сказать особо, он много мне дал в студенческие и потом в аспирантские времена. Став преподавателем, я много заимствовал у Леонида Михайловича, даже его манеру вставать "на цыпочки", чтобы подчеркнуть значение отдельных фраз.

Кроме учебы, были, разумеется, практики, и они организовывались хорошо. Да и сами студенты проявляли инициативу. Я, например, плавал на судах одну навигацию по Северному морскому пути, одну в научно-исследовательской партии ГИИВТа, одну – в Северо-Западном и одну – в Камском пароходствах, так что была возможность практически освоить многое и (что немаловажно) заработать денежки на студенческие семестры.

Порт Волжский 1959–1962

После окончания ГИИВТа я попросил направить меня в город Волжский. Тогда только что была сдана в эксплуатацию Волгоградская ГЭС, кадры требовались. Капитан рейда, затем диспетчер.

Вскоре образовался порт Волжский. Начальник порта – Багров Леонид Васильевич. Молодой (выпускник ГИИВТа 1954), умный, энергичный.

Меня сразу же избирают секретарем комсомольской организации порта. Молодежи довольно много. С. Пьяных организует хоккей, Г. Кудачкина – самодеятельность. Я организую шахматные турниры. Наша команда делает хорошие успехи, выигрывает первенство ДСО “Водник” и, что особенно интересно, первенство города Волжского.

Багров Л.В. затеи молодёжи поддерживает, сам играет в шахматной команде. Я говорю в кругу молодых сослуживцев: “Попомните мое слово – Багров будет министром”. Прогноз через годы сбывается.

За 3 года работы в Волжском было немало и драматических, и юмористических происшествий. Вот некоторые, коснувшиеся меня.

Тонет РБТ под плотиной. По весне поиски с водолазами. Не находим.

Однажды волнуюсь сильно. Ночь, два РБТ после шлюзования тащат плот вверх по Волге на завод “Баррикады”. Радируют – течение сильное, не управляемся, плот сносит. Дело очень серьезное. Останавливаю два мощных транзитных буксировщика (они мне не подведомственны), требую расчлнить с составами, со скандалом под угрозой их ответственности за аварию посылаю к плоту. На нервном пределе жду дальнейших сообщений. К утру плот дотаскивают до места назначения, аварии не происходит.

А вот конфликт с танкером «Лось». Пришёл Лось на шлюзование, при этом не радировал свой подход за 12 часов, как положено. А у меня расписаны шлюзования на 4 вперёд, первое уже у стенки стоит, и остальные подтянулись поближе. Что-то менять практически невозможно..

Лось не успокаивается, через каждые полчаса выходит на радиосвязь, возмущается, обещает доложить министру о нарушении правил.

Моя помощница Зоя Ренжина тоже нервничает: «Евгений Владимирович, да что он – не понимает?».

Наконец, 4 шлюзования прошли. Я: «Фу, Зоя, объявляй Лосю заход в шлюз». И Зоя объявила на весь огромный рейд: «Танкер **Осёл**, заходите в шлюз». Обиженный Лось в шлюз не пошёл, следует разбор инцидента у начальника порта Багрова Л.В.

Снова ГИИВТ

У меня был еще один институтский этап. После трех лет работы в Волжском пароходстве я поступил в аспирантуру ГИИВТа и после нее до 1973 года работал ассистентом, заведующим сектором, заведующим проблемной лабораторией транспортной кибернетики. В том же общежитии на Пискунова 11 примерно в это же время жили аспиранты Соларев Н.Ф., Пьяных С.М. (увы – оба уже ушедшие), Гладышев А.Н., Скатов А.П., Кутыркин В.А., Харитонов В.В., Зачесов В.П., Кожухарь В.И. Не в общежитии, но тоже в аспирантуре – Мальшкин А.Г., Мозжерин Б.В., Фадеев И.П., Куракин В.С., Трубин В.В., несколько позднее Захаров В.Н., Федюшин В.М. Все они хорошо известны в институте.

Моим научным руководителем был Владимир Иванович Савин, приобщивший меня к вычислительной технике, но также должен выразить благодарность Л.М.Рыжову, который был

в то время заведующим кафедрой. Он научил, уже на научном уровне, с одной стороны – не бояться браться за сложную и большую работу, а с другой стороны – тщательно отрабатывать каждый вопрос.

6) ЦНИИЭВТ и АСУ «Диспетчер»

В 1973 г. меня перевели в Москву, в ЦНИИЭВТ, заведующим отделом автоматизации управления транспортным процессом. Одновременно коллегия Минречфлота утвердила главным конструктором АСУ на водном транспорте.

Разработка автоматизированных систем управления на речном транспорте стала моей основной работой на последующие десятилетия.

С благодарностью вспоминаю моих коллег по этой работе: Неволин В.В. и Кока Н.Г. в Минречфлоте, Захаров В.Н., Федюшин В.М., Фадеев И.П., Бутов А.С., Белов А.Ф., Чупалов В.М., Платов Ю.И., Долгов Н.Я. и многие другие в вычислительных центрах и институтах речного транспорта.

Разрабатывались типовые технические задания на АСУ Пароходство» АСУ «Порт», классификаторы судов, портов, грузов, методика расчёта экономической эффективности АСУ и другое. Организовывались вычислительные центры, поступала и периодически менялась вычислительная техника. Разрабатывались системы и подсистемы. Много было командировок в различные города в составе комиссии по приёму АСУ в промышленную эксплуатацию.

Обо всём этом в краткой статье рассказать невозможно. Расскажу здесь только об основной и наиболее интересной моей работе – создание АСУ «Диспетчер».

Я со времен диссертации не упускал из вида область оперативного диспетчерского управления, но первые годы в ЦНИИЭВТе не мог ею вплотную заняться, так как при распределении функций она была поручена горьковскому и ленинградскому ВЦ.

ЦНИИЭВТу были поручены подсистемы верхнего, министерского уровня, но также и общесистемные вопросы всех речных АСУ. Со временем я пришёл к убеждению, что в области диспетчерского управления нужно и можно подойти к созданию АСУ на другом качественном уровне.

Тогда я делаю решительный ход. К этому времени (1978 г.) моим куратором в министерстве становится Кока Николай Григорьевич (он когда-то был моим конкурентом при назначении в ЦНИИЭВТ, но отношения у нас хорошие). Кока тоже влюблен в область автоматизации оперативного управления и занимался ею. Пишу ему обстоятельную записку (страниц на 70) о том, как нужно строить систему, причем первоначальной базой определяю Московское пароходство (я к нему близок), а не Волжское, которое является базой горьковского ВЦ. Через некоторое время звоню: «Прочитал?» – «Это моя настольная книга».

Кока – блестящий организатор, и постепенно у нас складывается тандем, его вопросы – организационные, мои – методические и конструкторские (хотя и он в них не дилетант). Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, а дело у меня обозначено большое. Нужно сделать систему, объединяющую пароходство и все его порты и диспетчерские от Рыбинска до Муромы, причем работать она должна в реальном режиме времени, при той-то технике. Нужно многих людей убедить, и чтобы дали большие деньги.

Летом 1979 г. Кока рассылает по городам и весям мою записку и организует большую поездку на теплоходе «Петр Андрианов» по водным путям Московского пароходства с привлечением многих людей. Как на грех, перед самой командировкой я попал в больницу (остеохондроз грудного отдела позвоночника). Не долечившись, сбегаю из больницы (врач: «Пиши расписку. Ты ко мне еще вернешься»). Идем от Горького по Оке. Сначала Кока организует большой разбор на «Андрианове» в кругу разработчиков. Я делаю доклад, выступают все, большие споры, особенно недовольны горьковчане – от них уходит перспективная работа, и они ее видят иначе. Кое-как выработываем общий подход – в портах сумятицы умов не заводить, а в деталях потом разберемся. Кока (вот организатор) успокаивает горьковчан тем, что и они будут участвовать в работе. Во всех портах – доклад, обсуждение, изучение местных условий.

Основное сделано, и в Москве я временно возвращаюсь в больницу. В Москве агитацию продолжаем, находим активного сторонника в лице зам. начальника пароходства Копаева Н.И. (Кока нашёл).

В 1980 г. Кока сумел включить работу в план Государственного комитета по науке и технике на 1981–1985 гг. с хорошим финансированием. За речным транспортом в области АСУ закреплён институт МНИПИСПУ, его и определяют разработчиком. Я не возражаю, пока я не чувствую возможностей принять на себя эту огромную работу, а МНИПИСПУ – специализированный институт. К тому же какое-то методическое участие мне обеспечено, и Кока настаивает на том, чтобы я в сторону не уходил. «Имей в виду, в любом случае будем отвечать вместе».

Промчалась пятилетка. В пароходстве и во всех портах стоят ЭВМ «СМ-4», они связаны выделенными каналами связи. Однако пароходство систему не принимает, много недоделок и того, что не нравится. Приходит народный контроль СССР и по-божески даёт ещё год (все-таки система большая).

Здесь я считаю возможным и нужным активно включиться в работу. Этому предшествовало то, что я пополнил свои кадры программистов. Особо нужно сказать о Дмитрие Михайловиче Семизе. Он пришёл ко мне из учебного института водного транспорта, кандидат физико-математических наук. Сомневался в приеме, так как из учебного института его похёрли за организацию пьянки 7 ноября. Звоню знакомому декану Кирьякову (у меня его дочка работает, он должен сказать истину). Говорит: «Золотая голова, но есть ложка дегтя». Оказался прав, но сейчас мне нужна золотая голова, Семиза принимаю. Для начала даю ему одну темку, в которой нужно запрограммировать базу данных на ЭВМ «Искра-226». Семиз быстро осваивает неизвестную ему систему программирования. Тема рассчитана на год, но через 3 месяца Семиз докладывает, что все сделано и, главное, приносит акт приемки. Та-ак, вот кто мне нужен.

Смотрю, что сделал МНИПИСПУ. В начале работы главный разработчик Ивановский Миша со мной контактировал, я ему был нужен в чисто речных вопросах. Теперь же я ему вреден, поскольку могу разобраться в том, что он не хочет показывать. Но я теперь член приемной комиссии, и ему не отвертеться, да и система уже установлена в пароходстве. Вижу, что система нетехнологична по основным моментам – интерфейсу диспетчерского ввода и межмашинному обмену. За такой системой диспетчера работать не будут.

Скромно отойти в сторонку? Да все-равно меня не поглядят, я был методическим заперщиком. Разговариваю с Семизом, объясняю задачу – сделать другое программное обеспечение, Семиз загорается. «Ну что, Дмитрий Михайлович, забьем Мике баки?» «Евгений Владимирович, не сомневайтесь, обязательно забьем». Подключаю к Семизу ещё квалифицированного программиста, Колю Югина. Потом и других подключаю для информационного обеспечения и других дел – в отделе хорошие люди, хотя большинство женщины. Работаем без всякой официальной темы, подпольно. Кока напоминает: «Помни – отвечать вместе будем». Отвечаю неопределенно, не раскрывая замысла: «Николай Григорьевич, мы думаем». «Думай, голова, думай».

Мне и в отношении себя нужно принять решение. У меня на 90 % подготовлена докторская диссертация, но я знаю, какая возня с ней предстоит, если идти на защиту. Тогда в работе по АСУ «Диспетчер» я буду участвовать ограниченно, как начальник отдела. Нужно выбирать что-то одно. Выбираю АСУ «Диспетчер», диссертация несколько лет пылится на полке, пока не устаревает, а я теряю к ней интерес. Не жалею, мне интересна работа по АСУ «Диспетчер». К тому же есть и другой аспект. Например, один из моих жестких оппонентов, Каплан А.М., через три года говорит: «Ну, Евгений Владимирович, ты теперь – голова, настоящий главный конструктор».

Семиз в это время – выше всяких похвал, просто удивляет. Обсуждаем вопрос об операционной системе, он решительно заявляет: «С этим бараклом возиться не будем, я нашел через

знакомого, начальника ВЦ Верховного совета Камшицкого, другую систему – Диамс». Быстро с Югиным ее осваивает. Я лично предметно занимаюсь структурой информации. Предлагаю свою картинку ввода (это определяющий элемент в части состава информации). Долго спорим с Семизом и Югиным, принимают (им просто не прикажешь, все пропускают через свое представление). Придумываем разные детальки с целью максимальной технологичности ввода для диспетчера.

Особый вопрос – межмашинный обмен. Стандартную программу Диамса тоже забраковываем. «Дмитрий Михайлович, ищите толкового парня через Камшицкого». Приводит азербайджанца Рустема (фамилию забыл; через несколько лет парень умер). Принимаю на работу по совместительству. Как работал этот Рустем – нужно сказать. Вечером сидим за дисплеями в ВЦ пароходства. Рустем работает в машинных кодах, это особый трудный вид программирования. Вперился в дисплей, ни с кем не разговаривает. Входит уборщица, мы все (кроме Рустема) встаем, чтобы дать ей возможность поводить шваброй. Трогает Рустема за плечо, тот не отрываясь от дисплея приподымает зад, уборщица вынимает стул, Рустем не изменяет позы. Уборщица водит шваброй возле его ног, подставляет стул обратно. Сделал программу.

Наступает конец отведенного дополнительного года (1986). Испытания и приемка системы МНИПISПУ. И здесь мы выходим на арену, объявляем о выполненной разработке. Для начала я собираю большой сбор диспетчеров (зам. начальника пароходства Копаеву и Коке пока говорить рано). Семиз ревниво к этому относится: «Евгений Владимирович, не Ваше это царское дело». Разъясняю, что с диспетчерами для начала лучше сумею поговорить я (сам диспетчер), а ему лучше поговорить с работниками ВЦ. Показываю за дисплеем нашу систему диспетчерам. Главный диспетчер: «Да это небо и земля! В 10 раз быстрее и удобней чем у МНИПISПУ». Тогда показываю Коке («Вот вы как сделали!») и предлагаю Копаеву провести также и испытания системы ЦНИИЭВТа. «Да это удар под яйца!» – возмущается Копаев. Разъясняю, что это не так: техническое обеспечение МНИПISПУ остается, программное и информационное обеспечение по заданию пароходства (я это всегда подтверждаю) разработано в двух вариантах, то-есть пароходство подошло к делу очень обстоятельно. Копаев назначает испытания.

На испытаниях сразу выясняется и второе преимущество системы ЦНИИЭВТа. Если в системе МНИПISПУ организовывались специальные сеансы связи и длились они 2–3 часа с каждым портом, то в системе ЦНИИЭВТа межмашинный обмен происходит в фоновом режиме, незаметно для диспетчера, и передача сообщения длится 2–3 секунды. В системе МНИПISПУ информация для передачи делится на блоки-кирпичи и застревает при многочисленных сбоях несовершенной связи (даже воздушные провода есть), а у ЦНИИЭВТа – на элементики-крупинки, которые мгновенно проскакивают. Член комиссии от министерства К.С.Смирнов (мой однокашник по институту) хочет убедиться – нет ли здесь обмана. Усаживаю рядом с собой и по его заданию передаю сообщение, а он на другом конце (в Твери) проверяет. «Хо!» – убеждается он. Молодец Рустем.

На заключительном заседании приемной комиссии возникает кратковременный скандал. Пароходство четко высказывается за систему ЦНИИЭВТа, Ивановский (МНИПISПУ) молчит, но его директор возмущается, показывая на меня: «Да откуда он взялся? Так не положено». Кока спокойно разъясняет: «А в чем дело? Мы систему принимаем, ваше задание выполнено». – «А, тогда годится».

Победа. Но это только начало. Перед началом навигации собираются диспетчера из всех портов на обучение. Они системы МНИПISПУ не видели, сравнивать не могут. Поднимается шум: «Как – нас, диспетчеров, посадить за клавиатуру?» Сейчас это кажется смешным, каждый работник будет чувствовать себя ущемленным, если у него нет ЭВМ, а тогда было так. Убеждаем всем скопом.

С началом навигации вижу, что медленно печатается дислокация флота. Коля Югин мне отвечает: «А таковы характеристики машины, больше ничего не выжмешь». Беру отпуск и усаживаюсь за программирование. Семиз опять говорит мне, что это не мое царское дело, но с его помощью я быстро осваиваю программирование и через две недели показываю ему результат. Выхожу закурить (мы в ВЦ пароходства вечером), встречается Червяков А.А. (тоже высококлассный программист, подключен к работе). Возвращаюсь и слышу в приоткрытую дверь, как Семиз говорит Червякову: «Леш, ты посмотри, как Евгений Владимирович Колю уел. Дислокация-то печатается со свистом». Приятно такое помнить. Как говорит моя Тамара – если сам себя не похвалишь, то кто ж тебя похвалит. Но, конечно, я программированием в основном не занимаюсь, кроме упомянутых троих есть еще Гостилин Н.Н., который разработал одну важную подсистему (к сожалению, вскоре умер).

Дальше еще было много работы, и для Московского и особенно для Волжского пароходства, но у меня уже получается производственный роман, который я вовсе не собираюсь писать. Скажу только, что система, несмотря на недостатки (не полностью была укомплектована техникой, а финансирование на это уже не давали), просуществовала, постепенно развиваясь, до 1996 года, когда полностью сменилась вычислительная техника. А здесь я прокомментировал только начало моей основной и наиболее успешной работы в качестве главного конструктора АСУ.

7) Как я встречал Германа Титова

05.08.2018 г. Я – дежурный диспетчер в порту Волжский. У меня на столе 3 разных телефонных трубки, рядом трубки от УКВ-радиостанции, КВ-радиостанции. Многим я звоню, многие звонят мне. А вот редкий и необычный звонок. Военный комендант порта Сталинград.

«Завтра к 8-00 нужно приготовить теплоход Вихрь. Будет выполнять особое задание». «А куда ему идти, что делать?» – «Сталинградское водохранилище. Приедут люди, всё объяснят». – «Надолго?» – «Всё объяснят. Сегодня его очень не нагружайте».

Не хватало мне хлопот. Вихрь мне самому нужен. Это сравнительно быстроходный катер для разных работ. Выполнять? Или доложить начальству, может отменяет? Да нет, приму сам решение. И я ведь тоже – лейтенант запаса ВМФ, а по военной специальности – военный комендант порта. Поддержим коллегу.

Вызываю Толю Вихлянцева, капитана Вихря. «Толя, сегодня я тебя очень нагружать не буду, а в 8-00 ты должен быть у дебаркадера, пойдёшь в рейс». – «Да куда идти-то, что делать?» – Толя, особое задание. Приедут люди, всё объяснят». – «Во пошли дела – иди туда, не знаю куда». – «Толя, я узнавал – прогноз погоды на завтра хороший». – «Хорошо, в 800».

Утром вижу – пришла машина, какие-то парни таскают на Вихрь какие-то чёрные ящики. Отправились.

7.08 я не на дежурстве, но по радио слышу – успешно приземлился космонавт, старший лейтенант Герман Титов. Его встретили саратовские колхозники.

Вот оно что! Подумаешь, колхозники... Я вот, выходит, обеспечивал работу группы наблюдения и сопровождения.

А Герман? Почти мой ровесник, в космос летает. А я здесь сижу. Да, надо мне двигаться в аспирантуру. Готовлю документы, пишу реферат, отсылаю заявление. Вскоре поступаю в аспирантуру ГИИВТа. Вот уже и маленькая польза от таинственной космонавтики.

8) КЕП и служебные отношения

Уровни служебных отношений: Я и коллеги; Я и подчинённые; Я и начальники.

Конечно, можно классифицировать подробнее. Например, последний уровень довести до: Я и Президент (см. «Цифровая экономика и 22 бугая»).

Я здесь ограничиваюсь 1-м из названных уровней.

Итак, 1961 год, порт Волжский. Здесь расположены шлюзы недавно построенной Сталинградской ГЭС. Я, молодой выпускник водного института, – диспетчер по шлюзованию. Работ бойкая. Шлюзы только что введены в эксплуатацию, работают ещё плоховато, а судов проходит через шлюзы много. На дежурстве некогда сомкнуть не глаза, а губы – непрерывные переговоры по телефонам и радио. На столе у меня прямой телефон с диспетчером нижнего бьефа (1 коллега), прямой телефон с начальником вахты шлюза (2-й коллега), телефон дальней ведомственной ВЧ-связи, городской телефон, неподалёку трубки УКВ и КВ-радиостанций. Беспрерывный трезвон.

Но я же пишу серьёзную статью о служебных взаимоотношениях. Поэтому заглянем в Интернет. Вот видим 10 правил поведения в служебных взаимоотношениях.

1. Старайтесь быть более позитивными. Благодаря этому взаимоотношения будут более легкими и простыми.

2. Обращайтесь за помощью по работе и интересуйтесь профессиональной деятельностью коллег.

3. Чтобы отношения на работе с коллегами были хорошие, стоит интересоваться их жизнью, но здесь главное не переборщить. Не нужно быть навязчивыми.

4. Старайтесь помогать, но делайте это бескорыстно. Таким людям больше доверяют.

5. Не стоит врать коллегам при общении. Честность и прямота обеспечивают доверие и уважение в любых отношениях.

6. Относитесь к окружающим доброжелательно. Будьте открыты к общению.

7. Помните, что всем нравиться невозможно, поэтому не стоит подстраиваться под каждого. Добросовестно выполняйте свою работу, и ваши коллеги это точно заметят.

8. Постарайтесь поступать так, чтобы каждый человек из коллектива знал, что на вас можно положиться в решении любой проблемы.

9. Найдите общие темы для разговора. Не обязательно вести беседу только на профессиональные темы.

10. Уважайте каждого сослуживца. Будьте к ним внимательны, и они проникнутся уважением.

А вот другой автор формулирует 6 базовых принципов культуры делового общения.

Принцип № 1. Пунктуальность.

Принцип № 2. Вежливость.

Принцип № 3. Тактичность.

Принцип № 4. Целесообразность.

Принцип № 5. Эстетическая привлекательность поведения.

Принцип № 6. Учет традиций и обычаев.

Хорошие правила и принципы. Но это я сейчас их читаю. А тогда Интернета не было. И Сталинград переименован только 10.11.1961.

Вспоминаю, анализирую. Пожалуй, всё это мною и в отношении меня в основном соблюдалось. Хотя бывало всякое. Но перейдём к конкретике. Особенно запомнился ещё один кол-

лега одного уровня. Точнее одна – Крюкова Екатерина Петровна (назову для краткости КЕП). Диспетчер пассажирского флота в Сталинграде. Я знал (оказывается – в соответствии с правилом 3), что это женщина на поколение старше меня. Конечно, и она знала, что я по неписанному статусу – молокосос. Хотя мы никогда не виделись – в следующем году я уехал в Горький, в аспирантуру.

Запомнилась мне КЕП живостью своего общения. Очень хорошо следовала правилу 9. И любила (и умела) обязательно «подковырнуть». Одним из излюбленных её приёмов был такой. Вот я говорю по одной трубке, ещё 2 у меня трезвонят, ждут своей очереди. Добираюсь до последней – КЕП. И слащавым голоском КЕП вопрошает: «Ну что, спите, да?». Это я-то сплю! Это у неё работа поспокойней, у неё только пассажирские суда, а у меня все. Это она может и прилечь ночью на диванчике, а мне даже днём пообедать некогда.

Вот один эпизод, который мне запомнился благодаря живости характера КЕП. Среди её (и моих) судов был пароход дореволюционной постройки с осовремененным названием «Семнадцатый партсъезд». Он ходил на линии Пермь – Астрахань. В Волжский он прибывал в 0-50, 10 минут стоянки – и в шлюз. Я обязан к этому времени иметь шлюз пустым, нельзя срывать пассажирское расписание. А у меня стонут в очереди грузовые теплоходы, баржевые составы. К сожалению, нередко Семнадцатый опаздывал. Тогда звонишь пассажирскому диспетчеру КЕП (это её ведение), уясняешь реальное время прибытия. Заметим – ни автоматической междугородней связи, ни тем более мобильных телефонов ещё и в помине нет.

Вот и в этот раз – уже 2-00, беру бинокль, вглядываюсь в ночную тьму – нет Семнадцатого. Надо звонить КЕП. По ВЧ-связи мне дают Сталинград, той телефонистке говорю «Пассажирского диспетчера», телефонистка втыкает штекер в нужное отверстие. Дооолго не отвечает. Ага, попалась, КЕП! Наконец, явно заспанный голос: «Ало». С умеренным сарказмом наконец-то произношу любимую фразу КЕП: «Ну что – спите, да?» «А Вам кого?» «Как кого – пассажирского диспетчера». «А это квартира». «Иззвините...».

Всё идёт на пользу КЕП, даже ошибочка телефонистки.

9) Не только работа. Отдых на воде

Семейное начало. 1971 год. Сормово. Мы с Димой

Из всех видов отдыха особенно запомнились походы на резиновых лодках по рекам Усте, Тёше, Оке, которые организовывал брат Тамары Соболев Володя. Вот 1978 год, путешествие по реке Усте в составе: Соболев В.П., Ширяев Е.В., Ширяев Д.С. И стишок, который я сочинил в альбом, оформленный Володицей.

Как хорошо!

(Песня о водном туризме на мотив песенки
«Как хорошо быть генералом»)

Как только лето настает
Мы вновь готовимся в поход По речке Тёше иль Усте.
Вот командор бросает клич –
А ну-ка пальцем в карту тычь –
Начнём мы где и кончим где?

Припев:

Как хорошо по быстрой речке,
Как хорошо по тихой речке
Плыть на моторе, плыть без мотора – нам
всё-равно.
Будем мы плыть по быстрой речке,
Будем мы плыть по тихой речке,

Нынче и завтра, в солнце и в дождик –
плыть всё-равно!

И вот мотор уже рычит...
А вот мотор уже молчит –
Хватай, да побыстрей, весло!
Ты что ж, не видишь – там бревно!
А там карча! Эх, всё-равно...
Куда ж теперь нас занесло?!

Припев

Мотор, и лодка, и рюкзак,
И уж, конечно, не пустяк –
Мешок, палатка и топор.
Палатка – в ней не страшен гром.
Мешок – мороз не страшен в нём.
И в дождь мы разведём костёр!

Припев

И вот горит уж костерок,
И вот кипит уж котелок,
В тушёнку кок кладёт щавель.
И съев компот из щавеля,
Сидим мы все порядка дня,
Среди лесов, среди полей.

Припев

Как хорошо среди лесов
Смотреть на тучи комаров,
Среди полей на тьму слепней.
Но лучше, сидя у костра,
Взять мазь «Редэт» от комара
И съесть уху из окуней.

Припев

Турист в душе всегда рыбак,
Хоть не клюёт – сидит и так,
Живцов меняет на червей,
И твёрдо знает, что уха
Всего вкусней из петуха,
Петух же стоит пять рублей.

Припев

Когда ж придёт конец пути –

Никак отсюда не уйти,
Кругом такая красота!
Бери же карту, командор –
Где будет следующий костёр?
Серёжа иль опять Уста?!

Припев:

Как хорошо по быстрой речке,
Как хорошо по тихой речке,
Плыть на моторе, плыть без мотора – нам
всё-равно.
Будем мы плыть по быстрой речке,
Будем мы плыть по тихой речке,
Нынче и завтра, в солнце и в дождик –
плыть всё-равно!

А Рябцевы Виталий, Катя, Юля, Оля в Черногории. 2013 год.

2018. Семейный итог от Кати и Виталия. Подросли наши красавицы Юля и Оля.
А Дима стал любимым дядей Димой

10) Моя педагогическая поэма

В моих воспоминаниях 2005 г. очень мало написано о моей педагогической работе. Между тем почти всю жизнь я ею занимался, в том или другом качестве. Напишу некоторые эпизоды и соображения.

Тамара скажет: «Опять хвастается» и добавит: «Если сам себя не похвалишь – так кто ж тебя похвалит».

Начало было ещё после 2-го класса, когда я стал учить читать мою бабушку Сашу.

Между прочим позднее я увидел, что многие учителя (школьные или домашние) учат этому простейшему умению неправильно. Учат так: «Мэ и А – будет ма». А нужно сразу объяснить, что каждая буква имеет 2 значения – название и звучание. И нужно учить по звучанию: «м-м-м а-а; ма; п-а-а; па». Потом, в школе, училище, институте, мне часто приходилось помогать однокашникам. Здесь усваивается, что не нужно удивляться или возмущаться, если однокашник не понимает, казалось бы, простейших вещей. Это бессмысленно и неэффективно. Может, однокашник вовсе не дурак и в других жизненных вопросах разбирается лучше тебя. Помню, в 4 классе я долго объяснял своему другу Саше Борису (постарше меня), что $1/2$ и $0,5$ – это одно и то же. А как потом по жизни Саша пошёл!

И ещё – твоя помощь другим способствует и твоему лучшему усвоению знаний. Когда ты видишь, что в каком-нибудь законе Бойля-Мариотта товарищ чего-то не понимает, ты сам для себя обнаруживаешь и понимаешь эту, вроде бы очевидную, сторону вопроса. На 1 курсе института я предложил Вите Аксёнову вместе готовиться к экзаменам. У Вити, из-за некоторых его биографических обстоятельств и свойств характера, плоховато было с учёбой, и он стал поговаривать, что нужно ему бросить институт и пойти работать. Мы уходили каждый день в одну из пустующих аудиторий и зубрили, я разъяснял ему и видел, как я и сам лучше всё усваиваю. Я все экзамены сдал отлично, а Витя без троек и стал получать стипендию.

Первая более серьёзная педагогическая практика у меня образовалась сразу после окончания института. Только что введённые в эксплуатацию шлюзы Волгоградской ГЭС, при них порт Волжский, 2 десятка буксировщиков, новые кадры плавсостава. Это ребята со средним техническим образованием, в основном окончившие Астраханское речное училище, капитаны и штурманы этих судов. Начальник порта Багров Л.В. (в дальнейшем министр речного флота) зимой организует для них курсы повышения квалификации и поручает вести их мне.

Я не отказываюсь, но страшновато. Ведь в моей доступности нет ни учебников, ни учебных пособий. Есть только мой красный диплом, исходя из него сам изобретаю и содержание курса. К тому же одна тема особо важная – планирование и учет работы этих судов. За выполнение плана плавсостав будет получать премии. А методика только что изобретена, я сам её только ещё осваиваю и по ней первый год буду работать. После 3–4 занятий я избавился от зажатости и курсы прошли удовлетворительно. А потом изобрёл свою методику и после больших споров её утвердили.

Ну а потом было много лет преподавания в ВУЗе по совместительству. Не буду называть дисциплины и виды занятий. А в 2002 г. перешёл я полностью профессором в МГАВТ. 66 лет, как говорится: «Не можешь работать – иди преподавать». Впрочем, это закономерно и широко распространено. Упомянутый Багров Л.В. после министра в эти же годы стал завкафедрой в МГАВТе на другом этаже.

Общий стон преподавателей: перегруженность писаниной. Рабочие программы, Учебные методические комплексы, их перманентное переделывание в соответствии с новыми образовательными стандартами, изобретаемыми Минобрнауки. Помогают компьютеры.

Я тоже много писал. Предмет гордости – учебник «Автоматизированные системы управления на водном транспорте», 2006 г.

Теперь припомню в виде фрагментов-примеров некоторые тонкости преподавания, которые ни в каких методиках не написаны и которые усваиваешь только с годами. Может, кому-то пригодится.

Разумеется, кроме само собой разумеющихся, как-то:

- Знать предмет;
- Уметь его преподнести;
- Не засорять речь;
- Достойно выглядеть;
- Контролировать, но быть объективным
- Не опаздывать;
- И можно перечень продолжать.

Но отметим некоторые педагогические тонкости.

Никогда не нужно злиться.

Ни на какого шалопаю. И тем более на всю группу. Это неэффективно. К тому же – если злишься, ты в глазах студентов ставишь себя на их уровень. А ты должен быть выше уровнем. Они для тебя дети.

Но они уже люди. Замечания им нужны и полезны. Замечания могут быть любой резкости, но говорить их нужно без злобы. Можно даже сказать их с юмором, только не с издевательским.

Виды замечаний.

Нужно различать 2 вида:

- Замечания шалопаю, разгильдяю, лентяю; их тон может быть нейтральный, или чётко-жесткий, или юмористический;
- Замечания не понимающему. Эти нужно делать только в тоне сочувствия.

Различать парней и девочек:

- Парней можно и нужно изредка ругать, только без злобы; причина всегда найдётся; даже хороших парней;
- Девочек ругать никогда нельзя, это неэффективно; их можно и нужно изредка хвалить; за что – всегда можно найти; если успехов совсем не видно, то хотя бы за старание.

Кое-что не замечать

- Физические недостатки – ни в коем случае; как парней, так и девочек; а уж назвать девочку толстушкой – верх непедagogичности; даже косвенное замечание на этот счёт;
- Случайные поступки, движения, фразы, за которые может быть стыдно.

Спокойно принимать отказ что-то делать.

Вот Ира Шишканова, немножко капризная красотка, но вовсе не дурочка. Я зову её Ирой Аллегровой, ей это нравится.

Все выполняют лабораторную работу, в которой нужно в таблице Excel запрограммировать расчет плановых и фактических доходов от перевозок, % выполнения плана. Студенты пока не умеют видеть одним взглядом всю таблицу в комплексе, делают ошибки, я их отмечаю, они переделывают.

Ира уже внесла 4–5 исправлений, ей уже это надоело. Я отмечаю ещё одну ошибку – несоответствие размерности в шапке документа и в рассчитанном столбце. В шапке указаны миллионы рублей, а в столбце таблицы у Иры получилось в 1000 раз больше. Ира должна сама додуматься, как исправить формулу.

Но Ира надула губки: «Я не буду это делать». Отвечаю с улыбкой: «И не делайте. Тогда Вы не получите эти миллионы рублей». Соседка Иры Катя хрюкает, сдерживая смех. Ира молча всё выполняет.

Планировать оценки экзамена

Экзамен – лотерея. Так говорят, и это на много процентов верно.

Никакой профессор не может со 100-процентной уверенностью поставить отметку. Какую – 4 или 5? Двойку или всё-таки тройку? Слишком много факторов нужно учитывать. Но ему дано право это делать.

В начале преподавания у меня всегда на экзамене было нервное напряжение. Не слишком ли много получится пятёрок? А следует ли ставить двойки? Потом я пришёл к чёткому убеждению, что все оценки нужно в уме поставить перед экзаменом. На основе узнавания студентов в процессе обучения. В процессе экзамена они могут несколько скорректироваться, но немного. И тебе спокойно, и это – уверен – будет более объективно.

Пришёл 1 студент – лекции быть

С посещаемостью стало плохо. В советские времена было значительно лучше. Теперь (я оценивал, на всех занятиях, не только на моих) – 50 % – считается уже хорошо.

Недавно смотрел некоторое ток-шоу, о недостатках высшего образования. О многом говорили, но об этом вопросе ни слова. Не хотели об этом говорить. А ларчик открывается просто – культ денег при капитализме. Со 2 курса все студенты работают, и чтобы денежек заработать, и чтобы иметь уже какую-то работу. Ведь распределения на работу, как при социализме, нет. Каждый варится в своём соку. Сложный вопрос, и как-то его нужно решать. Я не знаю – как.

Читай не так как пономарь

Конечно – «с чувством, толком, расстановкой» надо читать лекции. Лектор – это артист. Впрочем, «весь мир – театр, и люди в нём актеры». Скучный материал нужно чем-то оживлять, даже юморесками. Иногда они получаются мгновенно, но следует их и заранее придумать, привязывая к материалу лекции. Как говорил мой друг Саша Малышкин: «Каждый экспромт хорош, если он заранее приготовлен». Вот некоторые рассказы, которые я рассказывал студентам.

Рассказик 1

Так, мы писали, мы писали, наши пальчики устали. Отложите авторучки, просто послушайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.